

Н ВЕШАЛКА Н

НАШ ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С «ВЕШАЛКИ»

Уважаемые зрители! В этом номере газеты мы представим вам нового директора театра, продолжим знакомить с лауреатами премии «За беззаветное служение оперному искусству» Фонда Евгения Колобова и вспомним погибших в теракте на Дубровке. Солисты театра Виктория Яровая и Илья Кузьмин, а также концертмейстер Светлана Радугина расскажут о своем концерте.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- 1 стр. Интервью с директором театра Дмитрием Сибирцевым
 2, 5 стр. К годовщине трагедии «Норд-Оста»
 3, 4 стр. Представляем лауреатов Фонда Е. Колобова
 6 стр. Интервью с Викторией Яровой, Ильей Кузьминым и Светланой Радугиной

Новая Опера. Новый директор. Новый этап

7 октября в жизни Новой Оперы произошло важное событие – приказом Департамента культуры г. Москвы был назначен новый директор театра Дмитрий Сибирцев. На следующий день в зрительном зале состоялось официальное представление директора коллективу. А 12 октября в фойе театра в неформальной обстановке, за чашечкой кофе, Д. Сибирцев встретился с представителями СМИ. На встрече присутствовали более 20 журналистов и музыкальных критиков. Дмитрий Александрович рассказал о себе, о перспективах развития театра, репертуарной политике и планах на сезон.

Легко заступать на пост в театре, который хорошо знаешь, но и одновременно очень тяжело, ведь приходится заново выстраивать отношения с артистами. Я счастлив, что те люди из Новой Оперы, которых я знаю, – профессионалы своего дела, и на их качества, я уверен, смогу опираться в будущем.

Я поклонник таланта Евгения Колобова. Как только зародился театр Новая Опера, я с большим удовольствием его посещал и посмотрел массу премьер, о которых всегда имел свое мнение, порою отличное от других. Признаюсь, что в последнее время в театр я приходил нечасто, хотя прекрасно знал, что в нем происходит. Так вышло потому, что большую часть времени я занимался собственным проектом, который носит название «Тенора XXI века». Теперь я буду вести этот проект в свободное от театра время и уже не в качестве директора, а как художественный руководитель.

В Новой Опере, наряду с директором, решением творческих вопросов занимается художественная коллегия, в которой я теперь являюсь заместителем председателя. Сейчас у нас с председателем коллегии Натальей Попович сложились общие взгляды на многие проблемы – как творческие, так и хозяйственные. Поэтому я не буду ограничиваться ролью хозяйственника и буду, по возможности, влиять на художественный процесс. Благодаря тому, что и сам являюсь человеком творческой профессии,

Дмитрий Сибирцев учился в Музыкальном училище при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, затем окончил Уральскую государственную консерваторию им. М.П. Мусоргского по классу фортепиано. Начинать артистическую карьеру как пианист, выступая с сольными программами и в качестве концертмейстера с выдающимися отечественными и зарубежными мастерами оперной сцены. Неоднократно был удостоен дипломов «Лучший концертмейстер» на Всероссийских и Международных конкурсах. С 2006 года является художественным руководителем и продюсером арт-проекта «Тенора XXI века», в программах которого выступает как вокалист и пианист. За вклад в развитие искусства и успешную продюсерскую деятельность удостоен премии «Национальное достояние» и награжден Золотым орденом «Служение искусству».

я в состоянии делать в этом направлении много полезного. В ближайшее время мне необходимо вникнуть во все проблемы театра, понять, по какому принципу строится репертуарная политика. Я пришел в театр в тот момент, когда многие процессы на этот сезон были уже запущены, и что-либо изменить сейчас сложно, хотя внести некоторые коррективы мы сможем.

По моему глубокому убеждению, каждый театр должен занимать свою нишу. Новая Опера не станет дублировать функции Театра им. Станиславского или Большого. Постараемся сделать так, чтобы в творческом плане театр отличался от других и держал музыкальный уровень на максимально возможной высоте. Тем не менее, координировать свои действия с другими

коллективами необходимо для того, чтобы в дальнейшем не происходило таких ситуаций, когда все московские театры в рамках какого-то события ставят на своих сценах одни и те же произведения.

В любом коллективе нужно, в первую очередь, работать на принципах взаимного уважения. Потому что, какую бы должность человек в театре ни занимал, его изначально необходимо воспринимать как личность, и вот это, на мой взгляд, самое важное правило руководителя. Не секрет, что некоторые артисты и музыканты недостаточно хорошо представляют себе свой потенциал. Хочется, чтобы каждый оценивал себя по достоинству. Наша задача – не делать ничего такого, за что могло бы быть стыдно.

Погибшим в Театральном центре на Дубровке

23 октября 2002 года в Театральном центре на Дубровке во время мюзикла «Норд-Ост» произошёл захват заложников, длившийся трое суток. Злая воля террористов унесла жизни 130 человек. Каждый погибший там продолжает жить в памяти родных, близких, друзей и просто людей, которые переживали, сочувствовали и старались оказать посильную помощь, потому что каждая жизнь драгоценна, каждая жизнь – это отдельная история о человеке, достойная самого внимательного прочтения.

Сегодня мы вспомним двух музыкантов нашего оркестра, погибших в стенах Театрального центра на Дубровке. Совсем рядом с театром Новая Опера установлена небольшая памятная табличка с двумя именами, которые дороги многим людям, работающим тут: Федор Храмцов и Антон Кобозев. Две берёзки, посаженные в память о них, за 10 лет превратились в два стройных высоких деревца, которые слегка наклоняются и переплетаются ветвями-руками, поддерживая друг друга.

Антон Кобозев – флейтист, любимый ученик Евгения Колобова, подававший большие надежды в дирижировании. Любимый старший сын у мамы, опора для жены и сына, пример для младших братьев. Рассказывает о нем близкий друг Тарас Золотыко, артист оркестра группы гобоев.

Человек он был необыкновенный, удивительно светлая личность, он просто излучал жизнерадостность, желание помочь, всегда хотел, чтобы всем было хорошо. Это удивительное качество, я не знаю таких людей больше, он был уникальный.

Первый раз, когда мы с ним столкнулись (жили в одном номере в гостинице во время гастролей), я даже как-то испугался, ну не бывает таких хороших людей! Но он был таким по натуре без всякого притворства – это было его сущностью дарить людям свет, тепло, позитив.

А в семье, в творчестве?

Антон всегда был в творческих поисках. Искал себя, новые направления в работе, может быть, это отчасти и привело к трагедии. Он не сидел на месте, все время стремился к новым достижениям, пробовал себя в разной музыке и в разных ипостасях: дирижер, флейтист, педагог – ездил достаточно далеко в Лесной Городок и преподавал там детям. Человек очень разносторонний, душа ансамбля. В конце жизни он был уже концертмейстером группы флейт оркестра.

Когда приходил в гости, то обязательно помнил про всех, никого не оставлял без внимания, стремился сделать какой-нибудь подарок.

В своей семье был главным, воспитывал всех своих братьев строго, но по-доброму. Та доброта, которую Антон распространял вокруг себя, конечно, шла корнями из семьи. Он был надеждой и опорой семьи, старший сын, на него все равнялись, по его стопам пошли многие

братья и стали музыкантами. Антон всегда и во всем был примером, образцом. Вел за собой. К сожалению, Бог забирает лучших.

Какие у Антона были увлечения?

Очень любил разные спортивные игры: в футбол играл за наш театр и, например, в шахматы мы с ним очень любили играть, Антон даже пробил в профсоюзе деньги, чтобы купили нам хорошие шахматы с часами, и мы с интеллектуальной пользой проводили перерывы между репетициями.

Антон был очень религиозный человек, и в поездках мы не просто гуляли по городам, а обязательно должны были посетить все значимые святые места. В чем-то он был как пастор, стремился приносить знания и пользу людям, во всем старался быть примером.

Антон любил устраивать праздники, мог вдруг принести что-то вкусное. Он был человек «душа нараспашку», всех готов был обнять, думаю, что у него не могло быть никаких врагов или недоброжелателей. Он по-христиански всех любил и прощал обидчиков.

Расскажите о семье Антона.

Семья у него необыкновенная. У Антона было много братьев, а у его жены сестер. Оба они из многодетных семей, и сами хотели много детишек. Отец жены, священник Александр Шумский, очень известная личность во всем православном мире и очень сильный человек. Мама Антона ненадолго пережила сына, очень переживала, и это сказалось на здоровье. Сын Антона начинает тоже на флейте играть, может быть, со временем и дирижером станет.

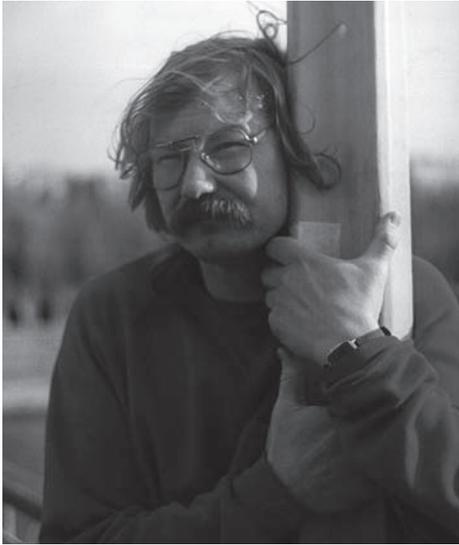
К сожалению, я не так часто общаюсь с семьей Антона, но поддерживаю связь все 10 лет. В основном, я, конечно, был близок с ним лично, как музыкант, коллега и товарищ со сходными интересами, представлениями о жизни.

С его родными мы встречаемся, как правило, на днях памяти, приходим на могилу на Ваганьковское кладбище, вспоминаем.

После внезапного ухода Антона, меня как будто окружила пустота, и боль не стихла до сих пор. То, что он оказался в театральном центре в тот день и час, – чудовищное стечение обстоятельств. Все это трудно объяснить, ведь он не работал на мюзикле постоянно. Так случилось, что он заменял флейтистку, которая уехала в тот момент работать за границу.

Очень обидно, у Антона были огромные творческие планы, которые могли бы реализоваться сейчас, когда требуются молодые перспективные дирижеры. Ведь он стал заниматься дирижированием (ученик Евгения Колобова) уже в конце своих хоть и молодых лет.

Тесть Антона, Александр Шумский, к случившемуся во время штурма Театрального центра относится истинно по-христиански, с пониманием, что это была вынужденная мера, никого не осуждает и спустя годы это мнение у него не поменялось. Он считает, что все сделано было правильно, другого выхода не было, и это просто несчастное стечение обстоятельств. Он нашел в себе силы смириться и понять, и в семье это мнение поддерживают. Спецназовцы из Альфы иногда бывают у них в гостях.

Федор Храмцов – трубоч, инспектор оркестра, замечательный отец и надежный друг. Вспоминает его коллега и друг, трубоч Анатолий Сёмкин.

Познакомились мы еще в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Был 90-й год, объявили конкурс в оркестр, и я пришёл на прослушивание, а Федор уже работал в театре. На конкурсе он сидел в комиссии, принимал новых музыкантов, мы друг друга совершенно не знали. Подружились во время поездки в Японию с театром, жили полтора месяца в одном номере и сошлись характерами.

Вы были близкими друзьями?

Да, мы были очень близкими друзьями, и если одним словом определить человека, то про него можно сказать «настоящий»: друг, музыкант и человек. Можно было разбудить его в 4 часа утра, сказать, что у меня проблема, и он говорил: «Я еду. Приготовь кофе». Если Федора о чем-то просили, то он всегда помогал.

Как-то я поехал на машине на дачу, это достаточно далеко, за 150 км, и не доехал – машина заглохла. Звоню Федору, он говорит: «Хорошо, жди». Приезжает, начинаем разбираться, ничего не получается, цепляет, везет в сервис. Вот такой человек, не каждый может так сорваться за 150 км. К нему так же относились: никто ни в чем не отказывал. Правда, сам он старался ни о чем не просить, если просил, значит, выхода другого не было.

Мы с ним отдыхали вместе. Как-то «дикарями» ездили на Селигер. Это было начало 90-х годов, когда поехали, продуктов с собой почти не взяли, а магазин в деревне почему-то не работал, идти куда-то далеко не хотелось и выяснилось, что прекрасно можно прожить на то, что добываешь сам: ловили рыбу, собирали грибы, ягоды – жили на подножном корму.

Федор вообще любил активный отдых, не признавал никаких пансионатов. С женой на море ездил отдыхать с палатками, чтобы было чем заняться (*смеется*).

Помню, как мы на гастролях в Финляндии рыбу ловили. После утреннего спектакля в смокингах выходили с удочками на озеро и ловили плотву. Даже фотографии остались, как мы стоим в смокингах и с удочками. Федора же сама ловля рыбы не очень увлекала, потому что там были еще и утки, которых он очень любил кормить и большую часть буханки хлеба, которую мы брали на подкормку рыбы, он скармливал уткам.

Федор был человек коммуникабельный, умный, с чувством юмора. В театре был создан брасс-квнтет, с которым мы ездили на подработку. Однажды пригласили нас в яхт-клуб, одели в тельняшки, посадили на небольшой катер, и мы играли, хорошо, что не перевернулись.

Свадьба его сына, совпала с моим днем рождения, и Федор на свадьбе встает и говорит: «Ну что, подумаешь, сын женился. Вот у моего друга сегодня день рождения. Давайте за это выпьем!»

Расскажите о событиях тех страшных дней, как вы узнали о случившемся?

Мне до сих пор об этом вспоминать тяжело, потому что мне его очень не хватает.

Когда 23-го октября случился захват, Федор позвонил мне и сказал: «Я здесь. Звонить больше не буду, так как заряда телефона надолго не хватит. Все плохо и не знаю, выйду ли отсюда».

На мюзикле «Норд-Ост» оркестр был приглашенный, набранный, на каждую партию было 3-4 человека, а Федор последнее время очень часто там играл, старался в каждый свободный вечер от основной работы в театре быть занятым. В тот момент он покупал квартиру, и деньги были нужны.

26 числа, когда утром стало ясно, что заложников освободили, у меня была работа как раз с ансамблем, мы все радостно закричали. Потом стали обзванивать больницы, искали через родственников и никак не могли найти и уже вечером стали обзванивать морги и ездить по ним. Федю нашла его сестра. На опознании показывали фотографии, самих погибших не показывали, так как это было ужасно. Задохнувшиеся люди, опухшие.

Руководство театра тоже активно помогало в поисках ребят. Федора и Антона очень ценил Евгений Колобов, прекрасно к ним относился и очень переживал, когда все это произошло. Просил прощения и у ребят и у всего оркестра за небольшие зарплаты, которые вынуждают их искать дополнительный заработок. Действительно, после этого что-то стало изменяться к лучшему.

Ваше отношение к действиям спецназа во время штурма?

Если учесть, как это случилось, то было сделано максимум возможного. Плохо, что, после того как людей спасли и стали вывозить, не было известно, какое отравляющее вещество применялось при штурме. Но об этом, конечно, нельзя было говорить заранее, чтобы информация не просочилась к террористам. Трагедия, что погибло много людей, но как показали дальнейшие события в Беслане – могли погибнуть все. Если бы это не коснулось меня так близко... я знал половину музыкантов из тех, кто там погиб.

Сейчас я поддерживаю отношения с семьей Федора. У него остались дочь и сын. У дочки один ребенок, а у сына четверо, то есть дедушка он был бы богатый. Дочь сына решила начать играть на трубе, как дедушка, возможно, что будет достойная продолжательница династии.

Три года назад 26 октября музыканты нашего театра дали концерт в музыкальной школе в память о погибших в те дни. Пригласили всех Норд-Остовцев, кто смог пришёл. Хотелось бы, конечно, сделать концерт на сцене театра, чтобы весь оркестр был занят и с участием Филиппа Копачевского. Концерт сильный, хороший, настоящий, для разной публики, посвященный погибшим в Норд-Осте, с фотографиями, показом слайдов. Ребята этого достойны.

Беседовала Оксана Волкова

Брасс-квнтет. Федор Храмцов третий слева

Дорогие друзья! Мы продолжаем рассказ о лауреатах премии Фонда Евгения Колобова «За беззаветное служение оперному искусству» и рады представить вам ведущую солистку театра Татьяна Печникова и концертмейстера группы альтов Людмилу Калистратову.

Татьяна Печникова: «Я горжусь тем, что я солистка театра Новая Опера им. Евгения Колобова»

Заслуженная артистка России, лауреат премий «Золотая Маска» и «Casta Diva» солистка Новой Оперы Татьяна Печникова удостоена премии Фонда Евгения Колобова «За беззаветное служение оперному искусству». Мыслями об этом торжественном моменте, воспоминаниями о своих первых шагах в Новой Опере и верой в достойное будущее театра поделится сама лауреат.

О Колобове

Безусловно, все, кто работал с Евгением Владимировичем, испытывают чувство гордости, когда им вручают премию Фонда Колобова. И я не исключение. Для меня это очень почетно, очень ответственно и, конечно, очень приятно.

Когда во втором туре прослушивания в Новую Оперу я пела отрывки из партии Татьяны («Евгений Онегин» П.И. Чайковского), после слов: «Здесь он, здесь, Евгений...» Евгений Владимирович ответил мне из зала: «Я здесь!». Тогда я поняла, что это знаковый момент и мое исполнение понравилось маэстро. После поступления в театр мы с Евгением Владимировичем работали над этой партией. Также подготовили Реквием Дж. Верди, «Винченцо Беллини» и другие концертные программы. Впереди должна была быть Виолетта в «Травиате», но плотно поработать над этой партией у нас не получилось.

Уход Колобова из жизни стал для меня огромной трагедией. В работе с ним всегда все было просто и понятно. Одно слово, жест, и солисту уже ясно, в каком темпе и какими штрихами петь, как выстроить мелодическую линию. Сегодня, когда я слушаю диск с оперой «Евгений Онегин»,

записанный совместно с Колобовым, у меня ощущение, что я не могла в то время так петь. Только Колобов мог из молодого, неопытного певца «вытащить» все самое лучшее, что у него есть, и помочь воплотить это на сцене. Он был действительно великий дирижер и музыкант.

Об учителях и соратниках

Начало работы в опере – довольно сложный этап в творческой карьере молодого певца. Из сотен солистов, прослушивающихся в театр, проходят единицы, потому что нужно не только иметь от природы красивый голос и хорошо владеть им, но и обладать набором качеств, необходимых для работы на сцене. Поэтому для начинающего певца очень важно, чтобы рядом был опытный музыкант, который в нужный момент может оказать поддержку.

Я очень благодарна людям, которые оказались рядом в начале моего творческого пути. Это – Евгений Иванович Самойлов, первый дирижер после Колобова, который поверил в меня. В первый год работы меня очень поддержала репетитор по вокалу Галина Семеновна Кузнецова. В театре я встретила своего концертмейстера и педагога Громыхину Ольгу Елисеевну. С ней я сотрудничаю одиннадцать лет. Именно она выстроила мне голос, по-настоящему научила меня им управлять. В работе над оперными партиями мне помогали многие концертмейстеры и дирижеры театра.

Очень благодарна своим педагогам, которые подготовили меня к пению в опере: Оболенской Елене Борисовне, у нее я обучалась в Академии им. Гнесиных, и Петрову Александру Петровичу – человеку, который сыграл огромную роль в моей творческой судьбе, открыл высокий регистр моего голоса и вселил веру в мои силы и в мой талант.

О степени ответственности

Количество лет, проработанных в театре, звания и репутация, которая сложилась за эти годы, накладывают большую ответственность. Я не имею права петь плохо,

поэтому всегда очень критично отношусь к своему творчеству, придерживаясь принципа: когда ты всем доволен, то невозможно идти вперед, а движение вперед – это самое главное в творчестве. Недаром Евгений Владимирович говорил, что, помимо непосредственно музыкальной подготовки солиста, очень важно его саморазвитие. Нужно ходить в музеи, читать много книг, слушать разную музыку: и симфоническую, и фортепианную. Все наши знания и художественный опыт воплощаются на сцене, и зритель это чувствует.

О сценических амплуа

Мне очень близок веселый, жизнерадостный, кокетливый образ Адины из оперы «Любовный напиток» Г. Доницетти. В то же время многие драматические и лирические образы я считаю своими по характеру: это и Норма, и Виолетта, и Татьяна... Вообще у меня не было таких партий, которые не подходили бы мне по образу и голосу. Каждая новая партия – это шаг вперед.

О Новой Опере сегодня

С момента начала моей работы в театре и до сегодняшнего дня я все силы и душу вкладываю в повышение своего вокального мастерства. Я горжусь тем, что я солистка театра Новая Опера им. Евгения Колобова, и, когда выступаю за границей или в городах России, всегда прошу, чтобы об этом упоминали. Считаю наш театр одним из лучших. Солисты Новой оперы поют во многих крупнейших театрах страны и мира, и это очень серьезный показатель. Многие талантливые певцы, дирижеры, режиссеры, которых я приглашаю в Новую Оперу, говорят о поразительно высоком уровне исполнительского мастерства и о феноменальных новаторских постановках, которые соответствуют высочайшему европейскому уровню. Наш театр движется вперед, и хочется, чтобы так было всегда: много интересных постановок, творческая атмосфера и новые победы.

Беседовала Юлия Рыбина

Людмила Калистратова:

«Мы ушли с Колобовым и более ни о чем не мечтали!»

Людмила Михайловна Калистратова, концертмейстер группы альтов – человек необычайно скромный и преданный искусству. Более 40 лет своей жизни она посвятила опере. Из них – 21 год проработала в оркестре Музыкального театра им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко и ровно столько же – в театре Новая Опера.

чтобы понять, доволен он нами или нет. Он был утонченный музыкант и очень требовательный. Его «говорящие» руки показывали все нюансы и характер исполнения. Словно очарованные, мы следовали за его дирижерскими жестами, и ноты начинали по-настоящему звучать. В эти моменты возникало желание слиться с ним душой и понять его».

Когда Евгению Владимировичу поступило предложение от Правительства Москвы создать свой театр, Людмила Михайловна оказалась в числе тех музыкантов, кто пошел вместе с Колобовым: «Это был какой-то сверхъестественный магнетизм, – вспоминает она, – мы не

Для Людмилы Михайловны Новая Опера началась еще в 1987 году, за четыре года до создания театра, когда Евгений Колобов пришел в музыкальный театр им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко в качестве музыкального руководителя и главного дирижера. «Очень хорошо помню этот день, – рассказывает Людмила Михайловна, – когда Евгений Владимирович беседовал с коллективом нашего оркестра. С первых его слов мы почувствовали, что с нами говорит очень доброжелательный и близкий по духу и характеру человек. Мы сразу увидели в нем великого музыканта, с которым нам предстоит делать общее дело и, можно сказать, влюбились в него с первого взгляда».

С этого момента на репетициях в оркестре театра Станиславского стала царить необыкновенная творческая атмосфера. Все было подчинено Музыке. Артисты были так увлечены, что время пролетало мгновенно. «Мы полюбили Колобова как человека и дирижера. После спектаклей смотрели ему в глаза,

могли представить дальнейшую жизнь без него. Мы не знали, как и где будем работать, предоставят ли нам помещение, не знали о том, что будет строиться новый театр. Мы выступали на разных площадках: то там, то здесь у нас были концерты, но это была такая потрясающая творческая жизнь, что мы ни одной минуты не думали о том, что ушли из театра Станиславского. Мы просто ушли с Колобовым и более ни о чем не мечтали!»

Так начался чрезвычайно творчески насыщенный период становления театра Новая Опера – гастроль по городам России и за рубежом (Италия, Испания, Португалия), многочисленные концерты в Большом зале Московской консерватории, спектакли на различных площадках Москвы: в Театре на Таганке, МХАТе им. Чехова, кинотеатре «Зенит», Детском музыкальном театре им. Н. Сац. Людмила Михайловна, в числе других артистов оркестра, прошла весь этот путь вместе с маэстро Колобовым и радовалась каждому его творческому успеху.

Прошли годы, Новая Опера обрела свой дом в реконструированном здании «Зеркального театра» в саду «Эрмитаж». Иногда Людмиле Михайловне приходилось играть альтовые соло в некоторых операх, и однажды, совершенно неожиданно, Евгений Владимирович предложил ей стать концертмейстером группы альтов. Для Людмилы Михайловны это было очень серьезное и ответственное решение. Ведь концертмейстер – музыкант, который не только исполняет сольные фрагменты, но и отвечает за звучание своей оркестровой группы, следит, чтобы артисты оркестра играли чисто, одинаковыми штрихами и выполняли общие музыкальные задачи, поставленные дирижером. Каждый музыкант – индивидуальность, и роль концертмейстера заключается в том, чтобы привести звучание группы к общему знаменателю.

Людмила Михайловна работает концертмейстером группы альтов уже более 15 лет и принадлежит к числу тех музыкантов, которые трепетно относятся и свято сохраняют все то, что успел при жизни создать вместе с ними Евгений Колобов. Он ушел, но его интерпретации продолжают жить в оркестре во многом благодаря таким людям, как она: «Евгений Владимирович всегда умел находить яркие образные слова. На одной из репетиций, когда мы играли последний номер спектакля «О Моцарт... Моцарт!» [Lacrimosa из Реквиема В.-А. Моцарта], он сказал: «Здесь нужно такое дыхание, как будто дышит кит». И даже сейчас, спустя почти десять лет как его не стало, исполняя этот номер, мы вспоминаем эти слова, и на глазах у нас наворачиваются слезы. Мы словно видим самого Колобова за пультом и стараемся сыграть так, как он нас научил. Ведь та работа, которую мы проделали на репетициях, нюансы исполнения, все это настолько глубоко заложено в нас, что мы не представляем, как это может звучать по-другому».

Роман Нагин

Гендель, Малер, де Фалья и не только...

3 ноября в Новой Опере состоится концерт солистов театра: выпускницы Accademia Rossiniana Виктории Яровой (колоратурное меццо-сопрано) и лауреата международных конкурсов Ильи Кузьмина (баритон). Концертмейстер – Светлана Радугина. Об интересной и разнообразной программе концерта нам рассказали его участники.

Светлана Радугина: «В этом концерте мы решили сделать два совсем разных отделения. Первое – для знатоков, любителей музыки разных стилей и эпох: от старинной до позднего романтизма. Сюда мы включили арии из опер Г.-Ф. Генделя, Г. Доницетти, Дж. Россини и вокальный цикл Г. Малера «Песни странствующего подмастерья».

В настоящее время в нашей стране колоратурные арии Генделя исполняются редко. Это связано не только с техническими сложностями для певцов, но и с тем, что в репризах арий принято вставлять каденции, усложнять мелодическую линию, и делать это надо в стиле эпохи согласно законам жанра.

Во втором отделении прозвучит музыка для души, для тех слушателей, которые любят яркие эмоциональные сочинения: романсы С.В. Рахманинова и «Семь испанских народных песен» М. де Фальи, в которых ярко воплотился испанский характер и оригинальные приемы, идущие от традиций гитарного исполнительства».

Виктория Яровая: «В программу концерта мы постарались включить редко исполняемые произведения, такие, например, как ария Арзаке из «Семирамиды» – одной из самых красивых и впечатляющих опер Россини, написанной в барочной традиции. Также в программе концерта широко представлена оперная музыка Генделя, в

частности, ария Руджеро из «Альцины», арии Ринальдо и Ксеркса из одноименных опер.

Барочный репертуар я пою уже давно, с тех пор как стала выезжать за рубеж и участвовать в постановках старинных опер. Технические сложности исполнения генделевских арий меня совсем не пугают. Скорее, наоборот. Кстати, на Западе многие певцы начинают именно с Генделя. Чтобы петь его сочинения, нужно обладать не только хорошей техникой, но и особой интуицией. Эта музыка хорошо подходит для моего голоса, и я ее очень люблю».

Илья Кузьмин: «Я люблю петь камерную музыку, так как она позволяет мне чувствовать себя более свободно на сцене, чем оперный спектакль. Здесь нет мизансцен, декораций, костюмов, и это дает возможность по-настоящему раскрыться, высказать что-то потаенное, интимное. Пение в камерном ансамбле более утонченное. Можно молниеносно откликнуться на эмоциональный посыл партнера, подхватить его. Всегда есть возможность почувствовать, услышать и тут же привнести новые нюансы в исполнение. В опере, где играет большой состав оркестра, поют другие солисты и хор, такого результата достичь практически невозможно. Там другой подход к исполнению – все должно быть точно выверено на репетициях и точно так же исполнено на спектакле.

Мне очень близка немецкая романтическая вокальная лирика. Я исполню вокальный цикл «Песни странствующего подмастерья» Г. Малера, который мне однажды посчастливилось петь в Концертном зале им. П.И. Чайковского с оркестром под управлением Валерия Полянского. В отличие от Ф. Шуберта и Р. Шумана, циклы песен которых я уже исполнил на сцене Новой Оперы, Малер более лаконичен. Он мыслит оркестровыми тембрами, ведь цикл написан для голоса с оркестром, а это совсем другие краски, другая подача и наполненность звучания».

«Трубадур»: испанские страсти по-итальянски

6 ноября в театре начинаются репетиции с режиссером спектакля «Трубадур» Марко Гандини.

«Какой пафос и романтическая приподнятость! Какие характеры! Какой драматизм!» – восхищался Джузеппе Верди пьесой испанского драматурга Г. Гутьерреса, ставшей основой либретто будущей оперы. «Да, драматизма хватает, – отметил знаменитый либреттист С. Каммарано. – Эта пьеса – сплошное нагромождение ужасов, убийств и мщений всякого рода!» В ней есть и любовь, и ревность, и семейные тайны, и неизбежность фатума. Работа над оперой шла не менее драматично, постоянно прерываясь из-за роковых обстоятельств: смерть матери композитора, а затем и кончина либреттиста отложили премьеру «Трубадура» на целых два года. 19 января 1853 г. в Риме бушевала настоящая стихия: Тибр вышел из берегов, вода заливала улицы города, в том числе и те, что примыкали к театру Апполло. Но уже с утра двери театра осаждали толпы народа. Итальянцев не могла остановить непогода, они ждали встречи с новым творением великого маэстро. Премьера оперы прошла с оглушительным успехом, мелодии ее разнеслись по всему миру.

На постановку «Трубадура» в Новую Оперу пригласили итальянскую команду. Режиссер Марко Гандини, сценограф Итало Грасси, художник по костюмам Симона Моррези осуществили несколько совместных проектов в разных городах мира, но впервые поставят оперу в Москве. Марко Гандини: «Мир графа ди Луны, мир Леоноры и мир цыган – Манрико и Азучены – это три интонации, три оттенка, три образа «Трубадура». Поэтому центральным элементом декорации станут три башни, у каждой – три стороны, все они разные и символизируют миры главных героев... Когда я работаю с артистами, я не просто говорю им, как нужно перемещаться в пространстве, я много времени уделяю чистоте произношения и постижению сути событий, считая, что целостность сценического образа, мимика и движения персонажа идут от языка, от осмысления и присвоения себе не только музыкального, но и литературного текста оперы».

Результат работы постановочной группы и, конечно же, артистов и музыкантов Новой Оперы во главе с главным дирижером театра Яном Латамом-Кёнигом мы увидим уже скоро – 16 и 18 декабря.